

ПО ПОВОДУ КНИГИ З. БУНИЯТОВА
«АЗЕРБАЙДЖАН В VII—IX ВВ.»

Перед нами книга Зия Бунятова «Азербайджан в VII—IX вв.», изданная в Баку в 1965 г. В предисловии автор справедливо отмечает, что только совместное изучение материальной культуры Азербайджана, Армении и Грузии, только комплексное изучение средневековых материалов (добавим, и не только средневековых) даст возможность с достаточной полнотой осветить вопросы истории как азербайджанского народа, так и других народов братских республик Закавказья.

Безусловно, только совместными усилиями можно создать полную и правдивую историю народов Кавказа. Однако этих совместных усилий все еще недостаточно, и поэтому вполне возможно, что в отдельных монографиях могут быть неправильные трактовки, неверная постановка вопросов, нуждающихся в уточнении.

Но та концепция, которую развивает в книге З. Бунятов в связи с историей и культурой армянского народа, не может быть отнесена ни к одному из возможных просчетов и ошибок. Здесь мы уже имеем дело не с отдельными ляпсусами, а с тенденциозными, антинаучными взглядами. Поэтому считаем нужным остановиться на этой стороне книги.

Бросается в глаза прежде всего то, что З. Бунятов почему-то освещает не общие интересы, не культурные связи и дружбу народов Закавказья в изучаемый им период, чем богата их история и чем в первую очередь должен был интересоваться и заниматься историк-марксист, а ищет, намеренно подчеркивает и раздувает споры и трения между ними, которые имели место в отдельные периоды их истории, в особенности в эпоху раннего средневековья. Более того, не ограничиваясь выискиванием темных пятен в истории армянского и албанского (агванского) народов, он извращает историческую действительность и совершенно голословно, вопреки достоверным, всему миру известным фактам, пытается представить армян как врагов албанцев.

В его сочинении красной нитью проходит мысль о том, будто агрессоры-армяне, призвав на помощь иноземных захватчиков (арабов), насилием «арменизировали» албанский народ, присвоив его территорию и культуру. Руководствуясь определенной антинаучной, нездоровой тенденцией, З. Бунятов ищет вражду там, где на самом деле была большая дружба, и совершенно закрывает глаза на то обстоятельство, что армянский народ, как и его соседи, в период арабских завоеваний, до них и после них почти постоянно был объектом агрессии и нашествий внешних, пришлых сил, против которых братские народы Закавказья неоднократно вели совместную героическую освободительную борьбу.

З. Бунятов развивает надуманную, антиисторическую концепцию. Если верить автору книги, то получается так: испокон веков существовала великая Албания (Агванк), простиравшаяся от Кавказских гор до Аракса, со своим албанским (агванским) населением, со своей национальной церковью и литературой, которые существовали до начала VIII века. И вот будто бы армянский католикос того времени Егия вступил с арабскими войсками в Агванк, уничтожил агванскую национальную церковь, подчинил ее григорьянскому вероисповеданию, а страну передал арабам.

У читателя этой удивительной небылицы возникает много вопросов, и в частности вопрос: а кто же сдал арабам чуть ли не половину старого света, в том числе и родину католикоса Егия? Из этой же бунятовской сказки узнаем, что агванская церковь якобы из-за армянского гнета утратила свою самостоятельность и подверглась григорьянизации, которая продолжалась до XIII века, после чего, согласно заявлению того же З. Бунятова, начинается другой процесс — «арменизация» этой страны, то есть насильственная ассимиляция агванского населения.

Мы вынуждены объяснить доктору наук, что армянская церковь была монофизитской точно так же, как и агванская церковь, и если вместо прилагательного «монофизитская» может быть употреблено «григорьянская», то это относится к агванской церкви в такой же мере, как и к армянской.

Выходит, что григорьянская церковь «григорьянизировала» григорьянскую церковь!

«Как и в других христианских странах,— пишет З. Бунятов на 91-й странице своей книги,— в Аране существовали многочисленные отклонения от диофизитского греческого вероучения, проявлявшиеся в виде различных еретических течений, враждебных григорьянскому толку. Они жестоко преследовались».

Эта фраза также свидетельствует, что З. Бунятов не разбирается в вероучениях христианской церкви. Он не различает понятий монофизит и диофизит и не учитывает, что агванская церковь была монофизитской, значит, не имела «многочисленных отклонений от диофизитского греческого вероучения», а находилась в резком противоречии с ним, была его врагом, как суннизм был врагом шиизма. Он не знает также, что армянская церковь была и есть тоже монофизитская, следовательно, «многочисленные отклонения от диофизитского греческого вероучения» агванской церкви могли только приводить в восторг армянскую церковь, а не «жестоко преследоваться» ею. Но это вовсе не мешает З. Бунятову по всякому поводу и без повода повторять: «многовековая борьба между албанским и григорьянским духовенством» (стр. 29); «многовековая борьба этих церквей» (стр. 11) и т. д.

Эта «многовековая борьба» выдумка самого З. Бунятова. В действительности же между армянской и агванской церквами, между армянским и агванским народами существовала не «многовековая борьба», а многовековая и притом редкая дружба. Лозунг дружбы народов —

для всех нас и, надо надеяться, для З. Бунятова—колыбельная песня. Но З. Бунятов в данном случае почему-то игнорирует эту дружбу и всячески раздувает те споры, которые имели место между этими церквями и народами.

Заметим, что историк-марксист, занимающийся средневековьем, должен прежде всего знать, как аксиому, самое элементарное: когда бы и где бы только ни поднимался вопрос халкедонизма, всегда нужно искать не только перст греческой церкви, но и жезл византийской империи. То же и в данном случае: надо быть ребенком, чтоб думать, будто арабы захватили Агванк лишь по желанию армянского католикоса.

Ложно также утверждение З. Бунятова, что католикос Егня обратился к халифату по своей инициативе. Католикос сделал этот шаг по настоянию князей и духовных предводителей Агванка. Об этом свидетельствуют и М. Каганкатваци (*Մովսես Կաղանկատվացի, Պատմութիւն Աղանկից աշխարհի, Թիֆլիս, 1912, стр. 337*) и Оз. Драсханакертци (*Հովհ. Կրտաճառագրացի, Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1912, стр. 99*). Достоверные факты этих и других исторических источников подтверждают, что в данном случае борьба велась не между армянской и агванской церквями, а со стороны армянской и агванской церкви против халкедонизма.

Как же З. Бунятов не замечает такой факт — ужасное давление Византии на Агванк и на соседние страны того периода? Разве не томилась в это время в греческой тюрьме и агванский князь Вараз Трдат, и его сыновья? Разве агванские князья и дворяне, сильно возмущенные этим арестом, не созвали Собор и не написали обращение к армянскому католикосу, прося его помощи? На каком же основании З. Бунятов пишет, что в это время «албанская церковь (диофизитская) опиралась на помощь Византии» (стр. 95). Тогда почему же албанские владыки были арестованы в той Византии, на поддержку которой они опирались? А кто такие Шеро («патрик Гардмана и князь Агванка») и все те участники Собора, которые обратились за помощью к католикосу Егня? И, наконец, о каких византийских насилиях (в 699—704 гг.) говорят сам З. Бунятов (стр. 106)?

Эти вопросы не интересуют его. Он занят более «важным» делом — любыми путями увеличить тот «братский» клин, который он хочет насильно вбить в единство и дружбу армянского и агванского народов.

З. Бунятов утверждает, что «армянский католикосат... никогда не гнушался никакими средствами для унижения своего противника» (стр. 92). Далее, он добирается до вывода: «Таким образом, армянская церковь водворила «мир во всех церквах Албании» лишь при помощи иноземных захватчиков, к которой она прибегала всегда, когда этого требовали интересы армянского католикосата и нахарарства, стиравших «со знаменем креста на своем пути народы исторической Агвании, частью которой является Карабах (Арцах)» (стр. 101).

Итак, выходит, что армянская церковь на протяжении веков не делала ничего иного, кроме того, что всегда прибегала к помощи инозем-

ных захватчиков; армянская церковь к тому же «стирала на своем пути народы исторической Агванни», в том числе и в Арцахе — Карабахе.

Армянская церковь не «стирала» и не могла «стирать» целый народ. Утверждение Бунятова является абсурдом. Речь может идти о религиозных-догматических спорах, которые имели место как в Агванке, так и в самой Армении. Скольких епископов (и даже католикосов) низлагали, ссылали и передавали анафеме? А скольких духовных лиц клеймили раскаленным железом?! А сколько томов сожгли?! И все это в самой Армении, среди исконно армянского населения, руками исконно армянской церкви! И разве говорящему от имени марксизма-ленинизма доктору исторических наук нужно напомнить, что вся история средних веков содержит тысячи фактов борьбы официальной церкви той или иной страны с иной верой или с иными течениями той же веры?! Армянская церковь не могла быть и не была исключением, ее борьба (часто жестокая и кровавая) против несторианства, павликянства, тондракизма и, в особенности, против всех проявлений халкендонства не затихала на протяжении почти всего средневековья. И все это, повторяем, в исконной Армении. И если борьбу против халкендонства в Агванке З. Бунятов понимает как насильственную «григорьянизацию» и затем насильственную «арменизацию» страны, то как он назовет то же самое явление, что происходило в самой Армении и повторялось куда чаще, чем в Агванке? Что же получается: григорьянская церковь «со знаменем креста» любой ценой и любыми средствами стремилась «григорьянизировать» и без того григорьянскую церковь и «арменизировать» самих же армян?!

А разве такое же кровопролитие, такая же борьба против отклонений от официальной мусульманской веры не происходила в мусульманских странах? З. Бунятов должен был бы помнить хотя бы светлый облик Насими, того Насими, с которого, как ему, наверно, известно, живым содрали кожу не армяне и не в Армении.

Если агваны, по заявлению Бунятова, в XI—XIII вв. уже не существовали, то по какой логике он считает часть населения теперешнего Азербайджана кровными потомками агванов? Каким образом, откуда? Ведь его теория об уничтожении албанов не оставляет никакой почвы для рождения новой нации? Ведь уничтоженные не живут, значит и не могут давать потомства. Далее, как же это получается: уже «григорьянизированные» албаны существовали до XI—XIII веков, после чего началась их «арменизация»? Так, что ли?

Но у армянского народа в XI—XIII вв. не было централизованного государства, его отечество было разделено на множество мелких и крупных частей; к тому же тюркско-сельджукские и монгольские орды лавиной обрушились и засели в Армении, как и во многих других странах.

Обвинить живший в таких условиях народ в том, что он мог «арменизировать» и ассимилировать другой какой-либо народ, не только смешно. Это, к тому же, клевета.

Можно было бы здесь остановиться, и мы бы остановились, но не останавливается сам З. Бунятов, который одарил мировую науку никогда не существовавшим и никем не слыханным термином «армяноязычный».

В работе З. Бунятова использованы в основном арабские или армянские источники, но при этом он почти не употребляет выражения «армянская литература» или «армянский историк». Он избегает этого. Вместо «армянский» он выдумал новый термин — «армяноязычный», и это, как увидим скоро, не зря, не случайно.

И стоит ли терять время, доказывая, что есть, действительно, грекоязычная, латиноязычная, арабоязычная, персоязычная, даже тюркоязычная литература, но никак не армяноязычная? Вряд ли кто-либо (даже З. Бунятов вместе со своим редактором) сможет во всей армянской средневековой литературе указать произведение, написанное рукой неармянина. Есть армяне, писавшие на греческом, сирийском, персидском, арабском, даже турецком языках, но ни один грек, сириец, перс, араб или турок не писал по-армянски.

З. Бунятов прилепляет к армянской литературе прилагательное «армяноязычная», ибо у него свои особые счеты и особая философия.

При определении национальной принадлежности какого-нибудь литературного произведения Бунятов не придает значения ни национальности автора, ни его вероисповеданию, ни языку, на котором писал он, ни тому обстоятельству, для какого народа написано его произведение. Для него решающим является то, где родился, где жил данный автор.

«Исследователь» дошел до такого абсурда потому, что хочет в мгновение ока лишить армянский народ большого числа поэтов, историков, языковедов, правоведов, — иначе говоря, всей той армянской культуры, которая создана на армянском языке армянами за несколько веков до того, как нога турок-сельджуков вступила в Закавказье.

Бунятов начинает с М. Каганкатваци. Он считает, что «История» Каганкатваци была написана на агванском языке и что ее армяне перевели на армянский язык, уничтожив подлинник.

Но Бунятов не задумался хотя бы над двумя следующими вопросами.

Во-первых, если армяне предварительно перевели книгу Каганкатваци и потом уничтожили подлинник, то в ней (как во всяком переводе) волей-неволей должны были остаться хоть какие-нибудь следы языка подлинника, какие-то агванизмы. К примеру, тот же Каганкатваци в своей «Истории» поместил один (в несколько строк) арабский документ, в переводе которого наглядно видны несколько арабизмов. Могут ли З. Бунятов и его редактор указать во всем томе Каганкатваци хотя бы какой-нибудь «агванизм», какое-нибудь агванское слово или термин, какой-нибудь оборот речи или идиому? Ведь в таком случае сочинение Каганкатваци получило бы двойную ценность, как единственный источник, откуда можно было бы почерпнуть хоть несколько слов, оставшихся

от бесследно исчезнувшего языка агван, не считая, быть может, нескольких лока не расшифрованных надписей.

Во-вторых, «История» Каганкатваци не только армянское сочинение, изложенное по-армянски и рукой армянина, но по существу во многом является компиляцией из работ других армянских историков. Агван по национальности и агванский писатель, да еще (по описанию З. Бунятова) в условиях неслыханной и вековой «вражды», не мог так обильно использовать литературу своих «заклятых врагов», а используя ее, не мог не проявить своего враждебного отношения к ней. Скажем также, что если бы он был агваном и писал по-агвански, то в его работе множество цитат, заимствованных из армянских авторов, должны были быть дважды переведены (сначала — с армянского на агванский, потом — с агванского на армянский), следовательно, были бы очень далеки от оригиналов. Между тем они в действительности слово в слово совпадают с армянскими текстами, не считая незначительных опусок переписчиков.

Но З. Бунятову в голову не приходят такие элементарные вопросы. Поэтому он и произведения таких представителей армянской словесности и поэзии, как Мхитар Гош и Киракос Гандзакечи (с их прославленными школами), как армянский поэт VII века Давтак (см. стр. 98, 99), о которых имеется огромная литература, — объявляет неармянскими.

Бунятов превращает в агванского писателя Мхитара Гоша, чье имя настолько чисто армянское, что его значение могут понять все те, кто знает армянский язык. Тот Мхитар Гош, который не только был армянским вардапетом, но и удостоился этой степени дважды. Тот Гош, который в свое время был самым большим авторитетом среди армян как в Восточной Армении, так и в армянском царстве Киликии и, благодаря этому, дошел до того, что стал духовным отцом амирспасалара Закарэ. И вот этот самый Гош, силой росчерка пера, перестает быть армянином.

Мхитар Гош, конечно, не мог знать, что через 750 лет после него появится З. Бунятов и превратит его — знаменитого армянина и дважды вардапета армянской церкви, великого армянского правоведа и баснописца — в агвана. Гош не заполнял «анкету» с обязательным пунктом «национальность». Но несмотря на это и тем не менее, в его произведениях есть (и не могли не быть) сведения о его национальности. Например, упоминая армянского царя Абгара в своем «Судебнике», Гош о нем говорит «наш царь Абгариос» (стр. 301). Обращаясь к грузинам, он пишет: «Не слушайте наших врагов, ибо в Армении нет еретиков». Обращаясь к знаменитым армянам, братьям Иванэ и Закарэ, он уверяет, что не скрывает от них «недостатки нашей нации» («Арарат», 1900, стр. 497—498) и т. д.

Вот так З. Бунятов среди бела дня похищает М. Гоша, и не только его. Точно таким же образом он поступает также с Киракосом Гандзакечи и многими другими армянскими средневековыми авторами. Из того, что он пишет на стр. 99, не трудно догадаться, что речь идет о произ-

ведениях земляков Киракоса Гандзакеци — Ованеса Саркавага, Давида — сына Алавика, Григора — сына Токакера, Ванакана Вардапета, Вардана Арвелци и др.

Киракос Гандзакеци сам свидетельствует о своей национальности. Он об этом говорит на многих страницах своей «Истории» («наш армянский народ», «наша страна Армения», «о племени стрелков и разорении нашей армянской страны» и т. д.).

И после всего этого З. Бунятов может писать вот что: «Судебник» Гоша, «Историю» Киракоса Гандзакеци, как и много других средневековых источников по истории Арана, в значительной мере следует считать памятниками албанской литературы, написанными на грабаре. И только отсутствие в Азербайджане исследователей христианского периода истории Арана (Албании) дало возможность считать эту литературу армянской, хотя для этого никаких оснований, кроме языка, нет» (стр. 99. Здесь и далее в цитатах подчеркнуто нами).

Вот как! В Азербайджане исследователи не занимались историей страны христианского периода, потому и армяне преспокойно своих историков и писателей считали своими, а вот пришел З. Бунятов и хочет одним махом перевернуть все верх ногами.

Да, «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...». Но перед грустной концовкой еще (и в последний!) раз поговорим о смешном.

Присвоив всю «Историю» М. Каганкатваци, З. Бунятов «отнимает» у армянского народа и поэта VII века Давтака, потому что его знаменитый «Плач» дошел до нас в «Истории» Каганкатваци. Ему и в голову не приходит, что тем самым он вдвойне ставит себя в смешное положение.

Имя Давтака происходит от имени Давид и уменьшительно-ласкательного армянского суффикса *ак*.

Но не это главное. Дело в том, что «Плач» Давтака написан акростихом и построен на армянском алфавите, в последовательной очередности армянских букв. Это — убийственное обстоятельство, которое проглядели З. Бунятов и его консультанты. Теперь З. Бунятов может с опозданием спросить последних и узнать, что армянский алфавит состоит из 36 букв, а агванский алфавит — из 52 букв, причем с совершенно различной их последовательностью. Значит, если бы Давтак был агванским писателем и писал по-агвански, то его «Плач» должен был бы содержать 52 строфы и строиться в совершенно ином порядке. А как «варвары»-армяне, прежде чем «уничтожить» произведение «агванского писателя» Давтака, могли уложить перевод его 52 строф в 36 строфах, тем более, что порядок букв иной? И кроме того, может ли З. Бунятов указать хоть один образец во всей многовековой мировой переводной литературе, чтобы акростих, написанный на одном языке, был переведен на другой язык с сохранением количества букв и их последовательности? З. Бунятову, быть может, известно, что в Библии, например, содержится множество стихов, написанных в порядке еврейского алфавита. Армянский перевод Библии (являющийся, по мне-

нию ряда крупных европейских ученых, блестящим переводом) не смог передать ни одного отрывка с сохранением акростиха. Иначе и не могло быть: ведь как можно было стихотворение в 22 строфы превратить в стихотворение в 36 строк, да еще сохраняя иную, чем в армянском, последовательность еврейских букв?

Стоит ли после всего сказанного доказывать, что Давтак — армянин и что его «Плач» написан по-армянски? Бесспорно одно: Бунятов, как и во множестве других случаях, в связи с Давтаком ставит себя в незавидное положение.

Но Бунятов не ограничивается этим. Он берется «агванизировать» также и многих армянских князей. Первым ему на глаза попадает князь Сахл, которого арабы называли на свой лад Сахлем ибн-Сунбатом, а все армянские авторы (как и следовало ожидать) — Сахлем Смбатяном. «Агванизировать» этого князя З. Бунятову крайне необходимо, потому что Сахл Смбатян, как вынужден писать и сам З. Бунятов, был владельцем не только «одной из областей Арана — Шаки, а в дальнейшем и всего Арана» (т. е. всей Албании, стр. 184).

Армянские историки, особенно М. Каганкатвацц, дают точное определение происхождению Сахла и его рода: он был отпрыском армянского рода Араншахигов (или Ераншахигов), которые фактически господствовали во внутренней жизни Арана до тех пор, пока персидский военачальник Михран с 30 000 семей не переселился в Албанию. Вот эти Михраниды и решили избавиться от Ераншахигов — отпрысков «изначально армянской нации» и, пригласив на пир 60 человек, отравили всех, оставив из них только одного — Зармихра Ераншахика, ибо он был зятем Михранидов (Каганкатвацц, стр. 196—197).

История этого коварства известна даже З. Бунятову, который пишет, что Зармихр был единственным, кто «был оставлен в живых михранидом Варданом, когда он, пригласив на обед 60 человек из династии Зармирх, дал им «хлеб гибели» и уничтожил всех» (стр. 185).

Казалось бы, все верно, но обратите внимание на свидетельство М. Каганкатвацц и на подчеркнутые слова в пересказе З. Бунятова: древний историк свидетельствует, что на пир были приглашены Ераншахики «изначально армянской нации», а Бунятов, излагая того же автора, вместо армянских Ераншахигов подсовывает слова: «из династии Зармирх», совершая очередной подлог с целью «доказать», что Сахл Смбатян был отпрыском не армянских Араншахигов, а «потомком царского албанского рода Зармирх» (стр. 185).

Неужели Бунятов считает, что у читателей нет памяти? Ведь персы-Михраниды пригласили на пир 60 представителей армянской знати и не убили из них только этого самого Зармихра. Значит, и он был армянином! И каким же образом этот самый Зармихр вдруг стал родоначальником царского албанского рода, чтобы затем еще стать предком «агвана» Сахла Смбатяна?!

Мы не будем цитировать армянские источники, — подальше от греха! Лучше и легче обратиться к помощи самого З. Бунятова, который свой труд снабдил приложением арабских авторов, в его же, как утверждает он, переводе. А вот что пишут арабские историки о Сахле Смба-тяне — Сахле ибн-Сунбате.

Читаем у Абу-л-Фараджа: «Сахль ибн-Сунбат, армянский батрик» (стр. 324). Читаем у Масуди: «в области Сахля ибн-Сунбата, одного из армянских батриков» (стр. 325). Читаем у Ал-Макдиси: «однако Сахль ибн-Сунбат, христианин, один из армянских батриков, узнал...» (стр. 329) и т. д.

Зная обо всем этом, З. Бунятов все же утверждает: «Приведенное заставляет отвергнуть гипотезы об армянском происхождении Сахля ибн-Сунбата» (стр. 185) и мнит себя «первооткрывателем», разглагольствуя о том, что происхождение Сахля якобы «до этого было неясным» (стр. 12).

Вот так издевается З. Бунятов не только над читателями, но и над самим собой! Подумать только: человек сам перевел все это, приложил к собственной книге и тут же преспокойно забыл (или «забыл») обо всем этом! И все это потому, что он помышляет совсем о другом, а именно: если Сахл Смба-тян не армянин, значит и его владения не армянские.

Как можно вопреки фактам, отобранным и переведенным собственноручно, не только объявлять, что владения Сахла Смба-тяна не являлись армянскими, но и вычертить такую карту Арана, в центре которой находится Сюник, а вокруг него — и Байлакан, и Кафан, и Ордубад, и Джульфа, и Нахичевань, и Сисиан.

Да будет известно З. Бунятову, что армянскими княжествами были не только владения Сахла Смба-тяна, но и весь Сюник, Ктиш, Варсан, Байлакан, Кабала, Шеки, Арцах-Хачен, Гардмани, Утик.

Нарочито усложненная З. Бунятовым задача на самом деле очень проста: если элементарным математическим способом вычесть все названные княжества из этой карты, сразу станет понятным, что Албания в этот период уже была лишь географическим понятием. И нечего думать, что обо всем этом он не знает.

Но З. Бунятову еще нужно «решить» вопрос о языке и культуре интересующих его областей. При помощи Киракоса Гандзакеци он хочет доказать, что в XIII веке в Аране «говорили по-албански». Далее, он заявляет, что «язык сюнийцев был диалектом албанского языка» и в качестве свидетеля выставляет Захария Ритора (стр. 100). Открываем З. Ритора и читаем соответствующие строки, которые Бунятов не цитирует сознательно. Там не сказано, что язык Сюника — диалект агванского языка (и какого же это языка, если в Агванке, как известно, жил не один народ с единым языком, а многие племена со своими языками-«диалектами!»). Более того, по Ритору получается, что не только Сюник, но и весь Агванк являлся частью Армении (см. Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 165).

Если З. Бунятов так интересуется историей и языком Сюника, зачем же ему цитировать сирийца Ритора, «позабыв» об историке Сюника — о Ст. Орбеляне, книгу которого он сам считает «весьма ценной» и пользуется ею весьма часто. А вот он, историк Сюника (также и архиепископ Сюника, также и сын князя Сюника), свидетельствует, что еще в начале V века сам Месроп Маштоц «открыл школы в стране Сюника... и немедленно всех обучил армянской словесности» (Ստեփաննոս Օրբելյան, Պատմութիւն նահանգիւն Սիսական, Քիֆլիս, 1910, стр. 55).

Дабы «доказать», что Сюник не был частью Армении и тяготел к Албании. З. Бунятов спокойно цитирует Себеоса, не подозревая, что попадает впросак. Себеос пишет, что до убийства персидского марзпана Сурена в 571 году «Ваган, владетель Сюнийской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюнийской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана, чтобы имя армян было снято с них» (Себеос, История, Ереван, 1939, стр. 28—29).

Да, было такое! — один из князей Армении восстал и... так далее. Но ведь он хотел, «чтобы имя армян было снято с них»!!! Значит, сюнийцы были армянами, говорили и писали по-армянски и в 571 году, и во времена Маштоца!

Преследуя ту же тенденцию, З. Бунятов область Шакэ (Шаки, Шеки) локализует в центре Сюника, в районе нын. селения Шаки, в то время как армянские, грузинские, арабские и другие источники область Шакэ локализуют там, где позже находилось Шекинское ханство, т. е. в районе нын. города Нуха, называвшегося также Шакэ.

Но все-таки, если Сюник — это Агванк и сюнийский язык — это диалект агванского языка, тогда спрашивается: а куда девать Степаноса Сюнеци, автора VII века, известного литератора, переводчика, грамматика и лингвиста Сюника, который советовал своему армянскому читателю при стихосложении пользоваться языком «центральной и столичной» Армении («զմիջերկրայինս և դաստանիկսն»), но обязательно хорошо знать и другие говоры родного языка, в том числе сюнийский и арцахский («զՍիւնիկն և զԱրցախայինն»)? А куда девать то богатое рукописное наследство, созданное в Сюнике и сюнийцами, а также таких писателей и ученых Сюника, как Петрос Сюнеци, Мовсес Кертох, Вртанес Кертох, Степанос Сюнеци и другие, с их книгами и трактатами? А куда девать самый древний монастырь Сюника, под куполом которого и до сих пор сохранились надписи — все на армянском языке? А куда девать тысячи других надписей, рассеянных по всему Сюнику и покоящихся в своем каменном молчании?

Куда девать? Но как раз об этом и печется Бунятов. Он нашел и куда девать и как девать, иначе говоря, нашел и место и способ. Место? Албанская культура! А способ?

А способ нам уже известен: при помощи всеильной «григорьянизации» и «арменизации». З. Бунятов на 97-й странице своей книги пишет: «В дальнейшем армянская церковь вытеснила албанское духовенство с

занимаемых им позиций и начала усиленную григорьянизацию албанцев, живущих в недоступных арабам горных местностях страны». Значит, в равнинах и доступных арабам местностях страны жили не албанцы? — спросим З. Бунятова ненароком и послушаем его дальше: «Армянское духовенство постепенно свело на нет влияние церкви Арана среди этого населения и руками арабских властей уничтожило все литературные памятники албанов — все, что могло хотя бы в незначительной степени напоминать об албанской культуре».

Эту несуразную, необоснованную мысль Бунятов приписывает С. Еремяну и М. Орманяну, указывая даже страницы их работ. Между тем, ни у того, ни у другого автора нет ни одного слова об уничтожении албанских рукописей и других культурных ценностей. Бунятов и здесь фальсифицирует историю.

Кстати, раз речь зашла об уничтожении рукописей, чем, по-видимому, сильно озабочен З. Бунятов, считаем нужным спросить его, почему же он ни одного слова не говорит о действительно массовых уничтожениях рукописей, имевших место в Закавказье в течение средних веков? Неужели ему не известно, сколько культурных ценностей было уничтожено здесь во время нашествий турок-сельджуков?

Из множества фактов припомним хотя бы один. Ст. Орбелян, чью «Историю», как мы видели, даже Бунятов вынужден считать «весьма ценной», свидетельствует, что в 1126 году турок «амир Гарон пришел и уничтожил княжество Капан и область Аревик... и Скалу Балака — монастырь, в котором было собрано множество... священных книг, перенесенных из других областей; и все было захвачено... а в 1170 году бог опять разгневался на страну Бах и на область Сюник... недоступную крепость Бахаберд, опору всего и убежище всех... там были собраны со всех монастырей святыни, книги и утварь церквей... и множество книг, числом более чем 10 000... и все это было захвачено и разметено по лицу земли... и повсеместно воцарился турок» (стр. 335—336). Таким образом, только в Бахаберде было уничтожено столько рукописей, сколько сейчас имеется в Матенадаране.

Если Бунятов ищет адрес уничтожителей рукописей, — вот ему этот точный адрес!

Сожжение рукописей Бахаберда — не первый факт и не единственный. Эта свирепая политика сметения с лица земли армянских рукописей и иного рода памятников не кончилась даже в 1915 году. И все же, после всего этого, армянский народ и сегодня имеет более чем 25 000 рукописей. Неужели армянские церковники смогли уничтожить все агванское так, как в отношении армянского народа не смогли сделать римские легионы и персидские маги, орды Чингис-Хана и Тамерлана, турко-сельджукские и другие варвары — все вместе и в течение многих веков?!

Но этот антиисторический вымысел всего лишь одна сторона бунятовской медали. Далее он пишет (стр. 97): «Уничтожая литературные

памятники Арана, григорьянские церковники предварительно переводили их на грабар» (т. е. на древнеармянский язык).

Просто диву даешься! Уничтожать литературные памятники, предварительно переводя их на свой язык, — это уже небывалое явление в мировой истории! Бунятов, автор всех этих сногшибательных «открытий», быть может, укажет нам хотя бы еще один такой пример из истории человечества!

Нет! Люди, которые понимают, что перед тем, как уничтожить рукописи, их следует переводить, уже настолько цивилизованы, что вообще не станут уничтожать рукописи, тем более все рукописи целого народа! А те, кто уничтожает рукописи, настолько варвары, что не могут и помышлять об их предварительном переводе. Почему те, кто уничтожил 10 000 рукописей в Бахаберде, предварительно не перевели хоть одну или даже полстраницы, пусть даже одно предложение, если не на свой родной, то на персидский или арабский язык?!

Зия Бунятов не в ладах не только с историческими фактами, но и с фактами географическими. В этой области его фальсификаторские претензии, вытекающие из его нездоровых тенденций и стремлений, воистину, достигают геркулесовых столбов.

К книге З. Бунятова приложена карта «Азербайджан в VIII — IX вв.». Неискушенным и верящим в элементарную научную добросовестность людям может показаться, что эта карта — конечный результат книги, как и следовало бы ожидать. Но она не конечный, а исходный пункт: сначала вычерчена эта карта и только потом все исторические факты перекроены по ней. И вот, по этой карте, в Азербайджан VIII — IX веков входили: весь исторический Атрпатакан, весь исторический Агванк, восточные области исторической Армении, вся Советская Армения (кроме района Двина).

Пока оставим Бунятова с его картой и обратимся к истории. Прежде всего вспомним 387 год, который имел роковое значение для всего Закавказья.

Это тот год, когда персидско-римское многовековое соперничество временно разрядилось упразднением самостоятельности Армянского государства: договором 387 года Армения была поделена между этими двумя могущественными державами той эпохи. Персия (Сасанидский Иран), на долю которой выпала большая часть территории Великой Армении (и вся Албания), образовала новую административную единицу из собственно Агванка (Албании) и областей Армении Утик и Арцах.

Нечто подобное случилось три века спустя, когда Арабский халифат захватил Иран и Закавказье. Как и их предшественники — персидские шахи и византийские императоры, арабские халифы на захваченных ими обширных землях создали новые военно-административные единицы, одной из которых была Агтмина (Армения). И эта новая (по понятиям арабов) «Армения» была намного больше, чем собственно Армения, потому что в нее входили также Иберия (Вост. Грузия) и Агванк (Албания).

Теперь спросим З. Бунятова: как выглядел бы армянский так называемый историк, если бы он, злоупотребляя арабской военно-административной «Арменией», стал бы со всей серьезностью «доказывать», что в такие-то и такие-то века не было ни Иберии, ни Агванка, что они будто бы не только назывались, но и являлись Арменией и что их культура и литература тоже армянские?

Именно так поступает З. Бунятов, умышленно предавая забвению договор 387 года, по которому часть Армении вошла во вновь образованный персами «Агванк», точно так же, как арабы, спустя три столетия, весь этот новый Агванк (вместе с Иберией) включили в «Армению». Этот новый (по понятиям персов) Агванк был примерно вдвое больше, чем старый Агванк, как по площади, так и по численности населения. Собственно Агванк состоял из 11 областей, и к ним присоединили 20 отторженных от Армении областей. Забывать о подобном обстоятельстве означает не только разыгрывать из себя слепого, но и принимать читателя за невежду. Ведь только отторженная от Армении область Арцах была равна половине площади собственно Агванка. И отторженная от Армении область Утик была примерно равна половине площади исконного Агванка. Следовательно, более половины нового Агванка составляла Армения.

Такова историческая действительность. В соответствии с этой действительностью следует считать опровергнутым голословное и вымышленное заявление З. Бунятова о том, что якобы Агванк, представленный на его карте, «ни этнически, ни политически Арменией или ее частью не был» (стр. 94). Так можно было бы говорить только о левобережной Албании, но не о правобережной.

Как тут не вспомнить слова Юлия Цезаря о том, что «люди обычно склонны верить в то, чего они желают».

Бунятов, безусловно, знает, что насколько Албания разнится от Атрпатакана, настолько же Атрпатакан отличается от Мидии. Знает, но раз и навсегда решил поступать так, как сказано в том хадисе, который дошел до нас через автора IX века ибн-ал-Факихи. «Земля,— говорится в этом хадисе,— держится на роге быка, а бык — на рыбе, а рыба — на воде, а вода — на воздухе, а воздух — на влажности, а на влажности обрывается знание знающих».

Не будем пока уточнять, где «обрывается знание знающих». Скажем лишь, что если руководствоваться этой логикой, то можно прийти к заключению: поскольку Азербайджан занимает территорию исторической Албании, то значит Албания — это Азербайджан; поскольку исторический Атрпатакан по арабской транскрипции — Азербайджан, то, что и говорить, и это Азербайджан; поскольку исторический Атрпатакан входил в состав Мидии, то и это Азербайджан; а если Албания — Азербайджан, то значит албанцы (агванцы) были азербайджанцами, а если и Мидия — Атрпатакан, то его прежнее население тоже азербайджанское; а поскольку азербайджанцы — тюркский народ, значит турками были

также албанцы и все народы Албании; турками были и жители Атрпатакана, а также и Мидии.

Бунятов делает еще один шаг вперед и без зазрения совести пишет: «Хотя население горных областей и районов Арана — Сюника, Арцах, Хачена, Шаки, Гардмана и других некоторых сел нынешних Кировабадского, Исмаиллинского, Куткашенского, Варташенского и ряда других районов Азербайджанской ССР, Сисианского, Басаргечарского и других районов Армянской ССР в настоящее время и является армянским, но у этого населения обычаи и нравы совершенно такие же, как и у живущих с ними рядом азербайджанцев, предки которых по тем или иным причинам стали мусульманами. Жители этих районов — это как раз те, предки которых «примкнули к церкви армянского исповедания и ассимилировались с армянами» (стр. 100).

Так, «историк» Бунятов лишает целый народ его национальности, объявляя его «арменизированными» албанцами. Получается, что армянское население Советской Армении и многих районов Советского Азербайджана не является подлинно армянским!!! Вот к чему привела недобросовестность и нездоровая тенденция.

Как характеризовать ложные «концепции» Бунятова? Скажем пока одно: они не имеют ничего общего с наукой вообще, с марксистско-ленинской наукой — в особенности.

Мы не сомневаемся, что читатели рецензируемой книги поймут, что бунятовщина оскорбительна не только для армянского народа, но и для нашего соседнего и дружественного азербайджанского народа, у которого своя героическая история, своя богатая литература, свои прекрасные писатели. Сам же Бунятов, вероятно, никогда не поймет ни знаменитого немца, который говорил: «Нельзя служить своему народу, будучи несправедливым по отношению к другому народу», и ни знаменитого азербайджанца, справедливо утверждавшего, что «совесть — украшение человеческой природы».

ԼՏԱԿՐ ՄՈՒՇԱԿԱՆՅԱՆ
ՄԱՐՄԻՐ ՇԵՎԱԿ